

III. Закарпадзе — Лир

а философские высказывания действительности высказаны народным языком так, что даже в минуты, когда Махарадзавили овладевает гневом, где-то в «мохораге» образы вспоминают историю мудрой враньи. Обратите внимание на все это, и вы поймете, почему Закарпадзе стал актером без актера, почему неслыханным разнообразием, почему ему доступны все краски искусства.

И действительно. Вот уж, кажется, нашел себя актер в таком шедевре, как Тилитер Утургула из «Лавины». Отличный червиль Переруби его назовем, не только не погибает — будут два Тилитера гадать людям, жадная еще забирать для себя, тылохонки поздравляя и шепотом на шокотом брешит, да еще обуртумом в трагедии... И в это же время Закарпадзе создает по-настоящему героический, злой и строго очерченный образ с виду сурового, но полного душевности и людям секретаря Райкома Джиярпадзе.

Очень солидарно сопоставить голдзоневского Ринабрата, потопляющего Рыбакова, Хитигаи сонливца Цуца — с Урлеком Аюстой, Василием Шуйским, а ва — с доб-

ройкой шуровой на плячах он походил да снава ил дестура. Не степна обомел он сему, шинуа взгляд исподобная на аде, а в глазах его, пылавых в зорина, будто кинолента, дивалась сцена впечатлительней от каждого. И потому да, что сам он был в добром настроении, которое овладевает человеком, трудно решившимся — на нечто большое и невиданное, или в его глазах задержалось отражение любовной зоркой Корделии, но на троп на зримого камня, усталогого шкурами, он опустился просветлевым и удмыбачил.

Однако немало враньи было в этой удмыбке: а, ну-ка, погадаем, какими добром ответит мне на добро... Но без всякой враньи и без намеков-лет властелин, смиренного до малых сих, вполне естественно, в гармонии с внешностью, с мизантропом взглядом философа, подвизающегося выше примитивных страстей, он произнес:

— Лрмо забот мы с ваших дробных плеч

Хотим пережить на молодое И доместиса до гроба вилетке. Гладя на Закарпадзе, возгорался его мастерством и той паразитической

Тема обманутого доверия, растопленной любви, чудовищного изурядования да, асем святых, как доброты и человечности шароа в по-лифонично звучит в партитуре образа, созданного Закарпадзе. Поразительным лириком пронымают такие сцены, как встреча Лира с великим Точмо; тихий, тихий, промолкновения ший суд да дочерней, пробуждения, когда его блуждающий взгляд падает на Корделию и озаряется добрым светом; потрясающий выход с чертовой Корделией; прекрасный финал, когда он, сидя на каменном троне, с безмалой Корделией на руках, засыпает вечным сном.

Эта сложная простота решения кажется мне весьма характерной и современной. Можно обнаружить, где концепция Закарпадзе идет по маслительной к Шекспиру, но нельзя не порадоваться тому, что трагедия Лира максимално приближена к зрителям, что создается сильный психо-художественный эффект; нерое полное сочувствие к доброте, сильное и все нарастающее негодование, сопротивляющее злу. Мне не во-возможло видеть столь доступного, столь близкого зрителю Лира.

В спектакле рудавешевые звучат обобщенная и глубокая мысль о несовершенстве, о противоположности этого мира, в котором добро небезжесточно отливало на произвол злу, оставаясь, однако, непоколебленным и в конечном счете торжествующим победой. Эта мысль идет от Шекспира, утверждая одновременно мудрые слова Судья-Саба Орбелиани: «Необороним и злому делу — незлогий и дурной ковер».

Ставил спектакль режиссер Д. Туманшвили, известный своими выдающимися средствами, в удивительно психологического режисера, к сорораточности на внутренней жизни за счет внешнего темперамента, характерного для национального стиля.

Оформлял постановку молодой адрозный художник К. Игитов. Судра по его злым работам, с которыми мне довелось познакомиться, он стремится к лаконичности и в обобщенных формах.

Музыка написана Отаром Тактацишвили, автором прославленной оперы «Мимина», мелодистом широкого распятого стиля, владеющим мощными ментальными формами.

Я не назвал бы постановку завершенной, сложной. Хотелся вернуться по поводу некоторых курьез, нечеткой композиции отдельных кусков, несбалансированного выдвигания твд ола поперекрестил Шекспиром, что объясняется и подчеркивает добротой Лира, которая иногда не может выдержать жест конфликтного отклика, и обычным стремлением Туманшвили считать национальный темперамент актера, обратиться его во внутреннюю мир человека — роль. Так продолжение достоинства обобщения, недостатков...

Но спектакль весьма интересен. Многие скажут в нем, будто Закарпадзе, как это бывает с мыслящими художниками, дорисует образ и сложней вычертит диалектику Лира, чем вызовет более сильный отклик у своих партнеров.

Как бы до нас было, еще одно большое событие состоялось в театральном жизни Грузии: Серго Закарпадзе создал своего Лира! Хороший подарок зрителю, достойный ответ на Ленинскую премию, только что полученную за роль Героя Махарадзавили в фильме «Отен солдата», а по существу, за всю блестящую и плодотворную жизнь в искусстве этого необыкновенного человека и артиста, выдвинутого кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

М. ЛЕВИН.

МАЙКОВСКИ — ТБИЛИСИ.

ДОРОГА на Кутаиси в Мачабелу, она шла залюбована Кабалием леном, гва, по преданию, обогнали грузинские царя. Освещенный полуденным солнцем, карпачин и декоративный лес начался торжественным вступлением к романтичному селению, где у подножия забной горы, на виду у веселой и ласковой реки Ханис-Цхалиа стоит нетронутой дом, давший жизнь великому поэту.

Есть что-то бесспорное в махарадзавилинских враньях, где и ашва не редко не те, что были при жизни великого, а все чинно, венуларно, нежно, а целые комнаты ваны, хотя и познательными, но до адури типовыми выставками. Но возмущая встреча с детством великого и любимого человека, живыми, объемными становятся образы, созданные им на той вране. — здесь раскрывается их сокровенный смысл, здесь приращиваются и истоки творчества.

Позднее время является с тремя

выглядит далеко-далеко, и кажется, вот он, красавец-человек идет в гору, поглаживая на родительский дом, на «Грузию, радостный вран». В слухах его бархатисто-громовой глас:

Лениво

от жизни

вбираясь в ямыс,

гачароу

душу отера —

«Млоат шел арте

рав, ром чемтате

Моушиа

магалада гирте...»

И еще ближе становится Грузия, ее дитящая природа, чудный и добрый ее народ, ее поразительно талантливые художники. С одним из них я сразу же сближаюсь после приезда в Маяковский: Закарпадзе играет Лира.

Сегодня Закарпадзе знает весь мир, его игра в фильме «Отен солдата» произвела потрясающее впечатление. Но еще вчера Закарпадзе был известен москвичам, только как блестящий исполнитель Завиа и Пророк-дателя («Бахтриони»). Однако в актуе его «анализатор» 35 лет делал в искусство. То, что он делал сначала в Театре им. Марджаншвили, а затем в Театре им. Рудавешева, необычно, интересно, самобитно. Его талант, воспитанный на огромном опыте и познаниях природы, громадном труде над каждой ролью в мизанной мысли, пронизывающей в истоки и процессы сущего, пронумовав славу грузинского театра.

Он не сразу набрал высоту, бывал и снижен, но не потому, что не хватало сил, наоборот, избыток сил приводил иногда к «перезрузкам»: роль, назначенная не по егоности, расширялась на всю сцену, затеняя собой другие.

Закарпадзе работал с многими режиссерами. Несомненно, его оплодотворяла режиссерская мысль, но никогда не подчиняла режиссерской воле. Вспоминаю многие спектакли с участием Закарпадзе, я думаю, что он сам режиссировал свои роли, нередко подменяя, скажем мягче, являвшая весь спектакль.

Обратите внимание, как сплавлены в роли Махарадзавили драматизм, восходящий к трагедии, с лирическим проникновением в душевные глубины.

— На народной грузинской песне «Отен солдата» все, что даю мне о злот Богому,

родушевиним дадей Мшией, дорорым сполжником, или гротесковско-кулоуваным воплощением фашизма, Бак-Виком. Все это игра Закарпадзе и не по приходу корифея, а по потребности художника и по возможностям таланта. Об этом надо говорить особо в подробию Хому лишь подчеркнуть, что и в одном, отделимо взятом амплуа он всегда находил совершенно разные драгны, оставаясь, как и великий артист, самим собой, он перевоплощается в образ до предела возможности. Но это не значит, что актер только «связает в узел» новую шкуру, всякий раз он создает новую художественную систему.

И много и подолгу бывал в галерее Нико Персманшвили и всякий раз пытался представить себе, каким был этот легендарный самовласть, а стараясь представить себе, каким он был, гармоничным, допетским чистым выражением природы. Но только в образе, созданном Закарпадзе, в этом воплощении великой любви и людям, со столь же великой скорбью о несовершенстве мира, я наконец увидел, какой он, легендарный грузин, по плоти и враню. И теперь по-другому смотрю на картину Персманшвили, олин для меня озарен, а восторг, созданный великим артистом.

И вот Лир. Я иду смотреть Лира прямо в галерею Персманшвили, пытаюсь в малом промежутке времени угадать, каким будет Лир у Закарпадзе. И, странный дело, в моем воображении, как на зренье, возникает многообразная мезонция, и на приемы образ героя Британии починаю напылять и Нико Персманшвили, в образе великого артиста, лучшими добрым даей Мшиа, в суровый, добрый Минато, потерпевший на войне трояк сыновей...

Может ли быть такое? Отвечаю в шутку самому себе: а все может быть. Мог же Шекспир превратить исторические фактами в превратить раздробленную Британию в единое государство Лира и, смешав разные эпохи, и создать и Бургундского герцога, и Готфрида Корделиюшвили. Все может быть, если Георг Црачиг, играя Лира, воображал его пылким, но никак не мог ораврять разлет государства, а другие великие актеры оправдывали это или старческим самоубоством, или властительным глумлением. А Соломон Махлосэ разорячивал во все степе и врасе великий философский опыт психологической природы — исследования человеческой природы.

На сцену вышел ярчайший сын царя, патриарх племени, глава родов, первый среди равных, ничем не отягачивающийся от обручания. В своей поскокной рубаше и штанах, заправленных в высокие меховые постолы,

последовательностью и логикой, с которой он проводил свой замысел, я мог соглашаться или не соглашаться с его концепцией, мог находить в ней какие-то отступления от Шекспира. Но не надо было ни кривить душой, ни выдвигать в концепции, чтобы признать вполне естественным желание Лира в свои восемь десятков лет обрести ярмо забот на молодых плечах. Обычно этот мотив проходит мимо исполнителей, терпясь в неинтересно громадных и безмяных Лира. Ну, а на самом деле? Кто сказал, что Лир не по-доброму разделел свое царство? Многие актеры не могли свести концы с концами из-за того, что не верили в желание Лира обрести ярмо забот. Поэтому первая сцена не прожилась, а прожить удалось только как предлог для концепции.

Закарпадзе ведет сцену раздела королевства в том спокойствии, в том равновесии луза, которые прихотят с мудростью, порожденной долгим жизненным опытом, полным преодолением. Он так высок, не самою, но духом, что может позволить себе быть добрым. Он столько прожил и пережил, столько знал и хорошего, и плохого, что ему Лейста, его великий вкус, ему и царств не жалко!

Даже ответ Корделии не сразу доходит до его сознания — он недоволен улыбается, оглядывая окружающий, будто приывает ях разделить с ним удовольствие от остроумия молодой дочери. Только уверившись, что это не шутка, арывает и гневается, но без воплей, тоном человека, глубоко уваженного, нежнождо разлюбившегося, но нуже не теряющего возмужения.

Не себе, другим открывает Лир тайну человека в человечности. Да, он мало думал о бездельях, достигнув новогород, но он смело может сказать: «Я не так перед другими грешен, как другие — предо мной». У Шекспира нет и намека, что Лир был тираном, его гнев против Корделии, как и против Кента, неслыханный для его положения. Безразличность злодея сильнее отплевает истинную нежность Лира, ведь он лишь говорит о мести асерам, но там, где люди оскорбленный царя вышел бы форму расплаты, Лир, лишенный опыта злобы, только рыдает. Как всякий уважаемый человек, он терзается перед подлостью.

Лир — Закарпадзе завоевывает дулу Лира, борювавшегося, он даже асет пошучку Ретине. Но как часто в нем проявлялась любовь к дочерям. Даже в припадке гнева он не может проклясть с лаской, угрозой с мольбами: «Я не браню тебе, Пускай в тебе когда-нибудь самой дороснется человек. Я стреля не кличу на твою челю».